

Глубокий, прохладный бархат голоса, привычно отстранённый и надменный. Казалось бы, такой тембр совершенно не вяжется с подобной глупостью, но прозвучало это настолько естественно, будто уступчивость и попустительство давно стали для него нерушимым правилом.

Насколько естественно, что ни трое взрослых, ни сам Шэнь Янь даже не сразу сообразили, что произошло.

Цинь Цзигуй только что... гавкнул?

Признал себя щенком?

Согласился его опекать?

То ли сто граммов крепкого маотая ударили в голову, то ли нейроны мозжечка объявили забастовку, но мыслительный процесс Шэнь Яня затормозил до предела.

Он уставился на Цинь Цзигуя, глупо хлопая глазами.

В следующую секунду нестерпимая жгучая боль в горле вихрем вернула его в реальность, заставив снова согнуться в приступе тяжёлого кашля.

В глазах Цинь Цзигуя мелькнула лёгкая обречённая мягкость. Присев на корточки, он бережно погладил его по спине и, протянув стакан, тихо произнёс:

— Ну всё, я щенок. Пей воду.

Видимо, победа в этой ребяческой дуэли наконец удовлетворила Шэнь Яня, и он не стал героически сопротивляться. Взяв стакан, он в несколько жадных глотков осушил его до дна.

Затем последовала нарезка сочной прохладной груши, полоскание рта подсоленной водой и, наконец, ингаляция: Шэнь Янь послушно застыл с открытым ртом, пока Цинь Цзигуй аккуратно орошал его ссадненное горло лекарством.

После всех процедур ему заметно полегчало. Шэнь Янь с каждым шагом проявлял всё больше покладистости, под конец сделавшись совсем шёлковым.

Ощувив на себе три изумлённых, полных благоговения взгляда взрослых, Цинь Цзигуй положил Шэнь Яню в рот мятную леденцовую конфету для горла и, поднявшись, пояснил:

— Он с детства любит втихаря уплетать острую соломку, а дыхательные пути узкие — вот и

подавился.

Сюй Цинжун растила сына одна, параллельно управляя крупным бизнесом, поэтому о её занятости говорить не приходилось. Цинь Жу и Цзянь Пин поднимали собственное дело с нуля и в молодые годы крутились как белки в колесе, так и не заведя собственных детей. Оба мальчика фактически выросли на руках у нянек.

Однако Цинь Цзигуй был на год старше и рано повзрослел, так что, по сути, это он выпестовал и выходил Шэнь Яня.

Неудивительно, что в такой ситуации трое взрослых уступали одному подростку.

Вспомнив, как её сын только что готов был лечь костями, лишь бы Цинь Цзигуй обозвал себя щенком, и как тот без колебаний выдал это «гав», Сюй Цинжун ощутила лёгкий укол вины.

— Ох, Цзигуй... ты же знаешь нашего А-Яня. У него тут... — Сюй Цинжун покрутила пальцем у виска, — немного не как у людей. Не принимай близко к сердцу.

У Шэнь Яня с самого детства мозги работали по какой-то совершенно инопланетной логике. На ум ему вечно приходили чудные диковины, до которых не додумался бы ни один взрослый или ребёнок, но это всегда выглядело мило и никого не раздражало.

— Не волнуйтесь, госпожа Сюй, — спокойный, невозмутимый ответ Цинь Цзигуя внушал удивительное умиротворение.

Сюй Цинжун вздохнула про себя с невольным восхищением.

Вот ведь бывают же дети! Послушный, умный, с золотым характером, да ещё и заботливый. Не то что её домашнее наказание — кроме яркой мордашки, от которой у девчонок сносит крышу, одна головная боль.

Пока она предавалась размышлениям, Цинь Жу слегка толкнула её локтем:

— Посмотри-ка на А-Яня. По-моему, с ним что-то не так.

Цинь Цзигуй и Сюй Цинжун одновременно повернули головы.

Шэнь Янь успел снова уткнуться лицом в стол. Подперев подбородок тыльной стороной ладони, он медленно, с трудом хлопал длинными ресницами. Взгляд его окончательно расплылся, а выражение лица стало...

Каким-то катастрофически заторможенным.

После короткого наблюдения Сюй Цинжун неуверенно спросила:

— Это его так алкоголь догнал?

Цинь Жу сокрушённо посмотрела на неё:

— Твой сын, ты меня спрашиваешь?

Цзянь Пин некоторое время прищурившись разглядывал парня и наконец вынес вердикт:

— Взгляд туманный, реакции заторможенные. Похоже, и впрямь развезло. А крепкая у тебя водка, ничего не скажешь!

Наступило короткое молчание.

— Ну, маотай я привезла действительно коллекционный, — не стала отрицать Сюй Цинжун.

Цинь Жу вздохнула:

— Но им же завтра в школу...

Цзянь Пин махнул широкой ладонью:

— Э-э, да какая разница, пойдёт А-Янь на уроки или нет? Всё равно толку ноль. Проще сразу больничный оформить!

Снова пауза.

— Логично, — согласилась Сюй Цинжун.

— Отличная идея, — кивнула Цинь Жу.

— Пойду звонить их классной, — подытожил Цзянь Пин.

Стоявший рядом Цинь Цзигуй:

«...»

Неужели во всех семьях взрослые решают проблемы подобным образом?

— Я отведу Шэнь Яня в комнату, пусть отдохнёт, — резонно решил Цинь Цзигуй. Одной рукой он подхватил тяжеленный рюкзак друга, другой обнял за талию самого Шэнь Яня, позволив тому вяло уткнуться подбородком ему в плечо, и повернулся к Сюй Цинжун: — Вы привезли его вещи?

— Да-да, конечно! — закивала Сюй Цинжун. — Зубная паста, щётка, полотенце, банный халат и гель для душа — всё уже в твоей ванной. Пижама висит в первом шкафу, а сменное бельё в нижнем выдвижном ящике.

— Хорошо. Вы пока ужинайте, госпожа Сюй, тётушка, дядя. Только оставьте что-нибудь лёгкое в холодильнике — когда Шэнь Янь проснётся, я ему разогрею.

— Договорились. Я чуть позже сварю вам лёгкой каши и оставлю на плите. Если что нужно — зови, — ласково отозвалась Цинь Жу.

Они с Сюй Цинжун были бы и рады сами взяться за уход, но Шэнь Янь давно вырос, превратившись в высокого юношу, и многие вещи уже не делались так просто, как в детстве.

— И надо же, наш А-Янь вымахал под метр восемьдесят, а разум всё как у малого дитя, — вздохнула Сюй Цинжун, глядя вслед Цинь Цзигую, который уводил Шэнь Яня в комнату. — И почему твой Цзигуй не родился девочкой? Эх, какая бы невестка получилась! Было бы кому передать весь наш семейный бизнес.

Она покачала головой с самым искренним сожалением.

Эту шутку они с Цинь Жу повторяли годами. Родись у кого-нибудь из них дочь, дело наверняка давно дошло бы до сговора и обручения.

Жаль только, что оба парня выросли статными лбами за метр восемьдесят.

Цинь Цзигуй с абсолютным хладнокровием доставил Шэнь Яня в свою спальню, прикрыл дверь и опустил пьяного друга на кровать. Взглянув на ссадину у него на лбу, снова подсохшую и лопнувшую от приступа кашля, он велел:

— Сиди ровно и не крутись. Надо обработать.

С этими словами он выдвинул ящик тумбочки.

Шэнь Янь, только что смирно сидевший на краю кровати, внезапно словно очнулся. Одну руку он вздёрнул высоко над головой, другую вытянул до самого пола, отмерив в воздухе размах обеих рук, и на полном серьёзе выдохнул:

— Вот столько!

Цинь Цзигуй достал флакон с йодом, повернулся и застыл в недоумении:

— Чего «столько»?

Шэнь Янь поманил его пальцем:

— Подойди.

Цинь Цзигуй шагнул ближе.

Шэнь Янь снова поманил его.

Цинь Цзигуй наклонился.

Шэнь Янь подался вперёд и, прижавшись к самому его уху, таинственно прошептал три слова:

— Ка-пи-тал... на же-ну.

Цинь Цзигуй:

«...»

Теперь он окончательно убедился: маотай срубил Шэнь Яня наповал.

Тебе хоть восемнадцать есть, копить на жену?

Да ещё такой «капитал».

Хмыкнув, Цинь Цзигуй иронично переспросил:

— И на какой же сказочной красавице ты собрался жениться?

Шэнь Янь гордо и хвастливо хмыкнул:

— На самой красивой и самой умной! Чтобы обязательно круглой отличницей была и занимала первое место на каждом экзамене!

Цинь Цзигуй выгнул бровь:

—?

Шэнь Янь сощурился с небывалым свирепым азартом:

— Тогда в нашей семье тоже будет первый ученик параллели! И мы сможем забить тебя до смерти!

Цинь Цзигуй:

«...»

Сколько же в нём затаённой обиды.

Впрочем, спорить с малым пьяницей он не собирался. Смочив ватную палочку раствором, он приподнял Шэнь Яня за подбородок и снисходительно поддакнул:

— Ага, договорились. Женись на красавице. На самой лучшей ученице.

Шэнь Янь, видимо, на подсознательном уровне привык к этой процедуре, поэтому не вырывался. Он лишь смиренно задрал голову, глядя на Цинь Цзигуя, снова хитровато прищурился и шепнул:

— Открою тебе ещё один секрет.

— Слушаю, — аккуратно обрабатывал ссадину Цинь Цзигуй.

— Ну, то желание, про которое я говорил... Чтобы все понторезы держались от меня подальше... Это неправда. Я тебя обманул, — Шэнь Янь болтал головой из стороны в сторону, упёршись ладонями в матрас. — На самом деле я загадал совсем другое.

Цинь Цзигуй чуть надавил ладонью, фиксируя его голову в одном положении:

— И что же?

Шэнь Янь коварно заявил:

— А вот не скажу!

Цинь Цзигуй:

«...»

До чего же этот пьяный пенёк напрашивается на хорошую взбучку.

Настолько, что подмывает отвинтить его бестолковую башку и посмотреть, что там внутри накручено.

А Шэнь Янь, словно не замечая нависшей угрозы, продолжал разглагольствовать:

— Ты сам сказал: надо провести черту и держать дистанцию. Вот я тебе ничего и не скажу!
Иллюстрация: Дамблдор качает головой.

Произнеся это, Шэнь Янь сам начал ритмично качать головой прямо под ладонью Цинь Цзигуя, сохраняя карикатурно-важное и капризное выражение лица.

Цинь Цзигуй смотрел на него три секунды, а потом не удержался и слегка приоткрыл губы в улыбке.

Словно тонкий лёд оттаял под весенним солнцем, оставив лишь прозрачную нежность.

Шэнь Янь, только что изображавший качающего головой Дамблдора, замер и уставился на него.

Цинь Цзигуй мгновенно спрятал улыбку и мягко спросил:

— Что такое?

Шэнь Янь похлопал ресницами:

— Ты улыбнулся.

—?

Шэнь Янь уныло повесил нос:

— Ты, как возненавидел меня, вообще перестал мне улыбаться.

Рука Цинь Цзигуя с ватной палочкой на мгновение застыла.

Не успел он найти подходящие слова, как Шэнь Янь внезапно подорвался с кровати с предельно серьёзной миной:

— Мне нужно учиться!

Даже зная нестандартный ход мыслей друга, Цинь Цзигуй обомлел.

Это ещё к чему?

Шэнь Янь уставился на него с глубоким убеждением:

— Ты стопудово решил, что я хреново учусь и вечно дерусь, короче — безнадёжный раздолбай, вот и не хочешь со мной возиться! Значит, я тоже буду учиться! Когда стану подтягивать оценки, ты перестанешь меня ненавидеть!

С этими словами он рванулся за чем-то, но маотай ударил в голову: ноги заплелись, в глазах всё поплыло, и, сделав пару неловких шагов, он зашатался.

Цинь Цзигуй едва успел подхватить его, предотвращая падение, и водворил обратно на кровать:

— Что тебе нужно? Я сам принесу.

— Мой рюкзак. Я хочу учиться.

Шэнь Янь снова сидел на матрасе. Глаза у него уже слипались от усталости, но он проявлял поразительное, упорное рвение к знаниям.

«Что ж, пьяный дебош с требованием учёбы — это даже мило», — с лёгким облегчением подумал Цинь Цзигуй и подал ему неподъёмный рюкзак.

Шэнь Янь принял его, уложил на колени и со всей торжественностью расстегнул молнию.

Внутри оказались: пауэрбанк, небольшой набор Лего, iPad, баночка ледяной колы, три банки кошачьего корма, две пачки вафель...

Раздутый до предела рюкзак был забит до отказа, но когда Шэнь Янь выгреб всё содержимое, на дне обнаружилась всего одна-единственная книга.

Пухлый фолиант в желтоватой обложке, толщиной с хороший кирпич.

На обложке красовалось крупное заглавие:

«Получив систему желаний, я достиг вершины жизни».

Цинь Цзигуй понял, что поторопился с облегчением.

Шэнь Янь и сам удивился бедности своего учебного арсенала. Он вывернул рюкзак наизнанку, потряс его, но не выжал ни листочка, ни ручки.

Сделав паузу длиною в три секунды, он с невозмутимым видом подхватил единственный талмуд, похлопал по нему и на полном серьёзе изрёк:

— Вот эта! Именно она! Ну, та самая... как её... А, точно! Книга о том, как председателя ученического совета отправили работать мальчиком по вызову в ночной клуб. Написано — просто загляденье, душа радуется!

Тон Шэнь Яня не оставлял сомнений в его правоте.

Цинь Цзигуй решил, что ничем подобным не грешил.

Впрочем, молодой господин Сэн проявил великодушие:

— Но тебя я в стриптиз-клуб не отправлю.

Цинь Цзигуй наконец почувствовал хоть какую-то отраду:

— Позволишь узнать причины?

Шэнь Янь грозно хмыкнул:

— Потому что с твоей рожей тебя там быстро озолотят! Это нечестно, так неинтересно! Я отправлю тебя кормить свиней! В деревню, свиньям хвосты крутить!

Цинь Цзигуй:

«...»

И на что он вообще рассчитывал?

Такого неблагодарного мелкого пьянчугу надо сразу раздевать, мыть и привязывать к кровати, чтобы не выматывал нервы.

Цинь Цзигуй с мрачным видом уже вознамерился привести план в действие, когда Шэнь Янь, обнимая свою жёлтую книжищу, вдруг уронил голову на грудь, закрыл глаза и замер.

Казалось, он отключился за секунду.

Цинь Цзигуй протянул руку, чтобы коснуться его щеки, но не успел — Шэнь Янь снова распахнул глаза и ни с того ни с сего спросил:

— Слушай... А почему у меня нет системы исполнения желаний?

—?

— Ну вот у него есть система, а у меня почему нет? — Шэнь Янь выглядел до крайности обиженным. Он сокрушённо похлопал по книжке и печально опустил взгляд: — Я же в прошлом году загадывал исполнение желаний... Целый год прошёл, а ничего не сбылось. Раньше ведь всегда работало. Может... Богиня Гуаньинь, как и ты, больше меня не любит?

У Шэнь Яня с детства был характер избалованного барчука: гордый, упрямый, терпкий к фальшивой сентиментальности. Вокруг него всегда кипела жизнь, хватало друзей и шума.

Поэтому, когда Цинь Цзигуй предложил держаться на расстоянии, Шэнь Янь лишь пару раз вспылil, но ни разу не показал, что ему больно. Его поведение больше походило на мальчишескую заносчивость и досаду из-за задетого самолюбия.

Цинь Цзигуй и помыслить не мог, что в душе Шэнь Яня зрели подобные страхи.

Оказывается, всеобщий любимец тоже боится оказаться ненужным.

В этот миг Цинь Цзигуй острым уколом ощутил: год назад он совершил роковую ошибку.

А ведь тогда ему казалось, что это единственно верный шаг.

Он долго смотрел на Шэнь Яня, а затем мягко взъерошил его волосы:

— Нет. Богиня Гуаньинь тебя очень любит. Просто некоторые желания требуют чуть больше времени. То, что ты загадал в прошлом году, может сбыться только сейчас. Нужно просто немного подождать.

Шэнь Янь хлопнул ресницами:

— Правда?

Цинь Цзигуй кивнул:

— Правда.

Это заметно успокоило Шэнь Яня. Опустив веки, он прижался подбородком к пухлой книге и тихо, потерянно спросил:

— Значит... моё прошлогоднее желание про «исполнение всех желаний» ещё сбудется?

Цинь Цзигуй подушечкой пальца смахнул со лба друга подсохшую каплю йода:

— Сбудется. Ложись спать, а завтра проснёшься — и всё исполнится.

— А то, что я загадал в этом году, тоже сбудется?

— И оно сбудется. Только его нужно произнести вслух, чтобы Богиня Гуаньинь услышала и смогла тебе помочь.

Под действием алкоголя Шэнь Янь окончательно выбился из сил. Взгляд его блуждал, мысли ворочались со скрипом. Выслушав Цинь Цзигуя, он долго и заторможенно соображал, а потом медленно кивнул:

— Тогда... Богиня Гуаньинь, слушай внимательно. Моё желание на день рождения... Я хочу, чтобы Цинь Цзигуй больше со мной не ругался... Я хочу, чтобы у нас всё было как раньше... Хорошо... На всю жизнь... хорошо.

Речь становилась всё медленнее, голос затихал, и на последнем слове Шэнь Янь, всё так же обнимая толстую книгу, завалился набок и окончательно смежил веки.

В комнате раздалось ровное, безмятежное дыхание.

На старинных настольных часах у кровати часовая и минутная стрелки не слышно соединились на цифре двенадцать, отозвавшись глухим, торжественным «щелчком».

Цинь Цзигуй осторожно поправил непослушную щёлку на его лбу.

Его голос в ночной тишине прозвучал бархатисто и тихо:

— С днем рождения, А-Янь. Все твои желания обязательно сбудутся.

<http://bllate.org/book/20611/2106346>